Выходец из могилы

Category: Goşgular,Kitapcy
написано kitapcy | 24 января, 2025
Выходец из могилы ВЫХОДЕЦ ИЗ МОГИЛЫ

О, стоны матерей! Вам царь всевышний внемлет.
Птенцов почивших он от вас к себе приемлет,
И птичку милую, им взятую туда,
Низводит к вам с небес на землю иногда.
У неба много тайн. У бога много силы.
Есть к колыбели путь обратный из могилы.

Одна из матерей жила в Блуа. Знаком
Мне был ее большой соседний с нашим дом.
В довольстве родилась, росла, потом вступила
В союз желанный с тем, кого она любила.
У них родился сын. Какая радость! Сын!
И что за колыбель! Шелк! Бархат! Балдахин!
Младенца кормит мать своею грудью нежной,
Всю ночь она полна заботою мятежной,
Не спит, ее глаза горят во тьме ночной, —
К ребенку наклонясь с подушки головой,
Чуть дышит, бедная, чтоб слышать, как он дышит;
Малейший стон его, малейший шорох слышит,
И утром вновь бодра, довольна, весела!..

Вот в кресла кинулась и гордо прилегла
Горячей головой на их косую спинку,
Грудь, полнясь молоком, раздвинула косынку,
Улыбка на устах, и вот — ее дитя!
«Мое сокровище! Мой ангел! Жизнь моя!» —
Бывало, говорит, и целовать у крошки
Начнет те маленькие розовые ножки —
И как целует их! Младенец-херувим
Смеется, голенький, и корчится упрямо,
Визжит и тянется к источникам родным,

И, бережно прижат к местам заповедным,
Притихнул.

Дни бегут. Уж он лепечет «мама».
Растет. Младенца рост так шаток — боже мой!
Он ходит, говорит: он в возраст уж такой
Приходит, где язык — впоследствии привычка —
Едва лишь оперен, бьет крылышком, как птичка,
И пробует лететь, и кое-как летит.
«Вот он! Каков сынок! — родная говорит. —
Ведь он уж учится, он азбуку уж знает, —
Такой понятливый! Всё на лету хватает.
Он — страшный умница и плут большой руки, —
Вообразите, — он уж хочет по-мужски
Одетым быть! О да, вот он о чем хлопочет!
Он и по платьицу быть девочкой не хочет.
Я Библию ему читаю — он за мной
Всё — слово за словом — мне вторит. Ангел мой!»
И мать восхищена, и детскою головкой
Не налюбуется. Обновка за обновкой!
Что день, то радости. Мечтаньями полна
О будущем, она им детски предается.
Какое торжество! Как чувствует она,
Что сердце матери в ее ребенке бьется!
Но дни идут, идут, и вдруг — крутой уступ.
Однажды злейший бич, исчадье ада — круп
Нежданный налетел и, в дом открыв лазейку,
Напал на мальчика, схватил его за шейку
И стал его душить… Тот силится дохнуть —
Не может: воздуху загородила путь
Болезнь проклятая, того и жди — разрушит!
Бедняжку, кажется, и самый воздух душит,
Гортань его хрипит. Во впавших глазках тень
Всё глубже, всё темней, — померкнул ясный день,
Как плод, как ягодка под клевом птицы жадной,
Ребенок вдруг завял. Как вор, как тать нещадный,
Его схватила смерть. Отчаянье кругом!

Гроб, траур, мать, отец, биенье в стену лбом –
И вопль – ужасный вопль!.. Где мать о сыне плачет,
Там онемей язык! Что слово наше значит?
Всё кончено. Нет слов!

И вот, погружена
В свое отчаянье, недвижная, она
Три месяца сидит. Хоть бы малейший трепет
Был жизни признаком! В устах – несвязный лепет,
Она не ест, не пьет, глаза устремлены
Тупые, мутные – в один кирпич стены.
Тут муж при ней в слезах. Она почти не дышит,
Тень смерти на лице. Зовут ее – не слышит.
Порой лишь в ужасе страданья своего
Шептала скорбная: «Отдайте мне его!»
Врач мужу намекнул тайком, что было б кстати,
Когда б родился брат покойному дитяти,
Что это бы спасло страдалицу; и вот
Проходит день за днем, проходит месяц, год…
Потом несчастная вдруг чувствует в недуге
Под сердцем у себя движенье – и в испуге
Затрепетала вся, бледнеет: «Боже мой!
Нет, нет, я не хочу, чтоб был не тот – другой;
Тот стал бы ревновать, сказал бы: «А! ты любишь
Другого – не меня, его теперь голубишь;
Меня забыла ты, достала мне взамен
Любимца нового, он у твоих колен
Обласкан и согрет, он стал твоя отрада,
А я лежу зарыт в подземной этой мгле.
Мне душно здесь, в гробу, мне холодно в земле». –
Так мать рыдала. – Нет! Я не хочу. Не надо!»
Но день судьбы настал, настал и час родин –
И радостный отец опять воскликнул: сын!
Но он один был рад: несчастная больная
Лежала, прошлое в бреду припоминая;
Новорожденного к ней принесли, – она
Взяла его на грудь, как мрамор холодна,

Почти бесчувственна; она о том ребенке
Всё думой занята, у бедной не пеленки,
А саван на уме, ей тот погибший сын
Всё представляется: бедняжка – там – один!..
Но в это время вдруг – о, чудо! Миг блаженный!
Ей голосом того ее новорожденный
Так сладко произнес, как ангелы поют:
«Послушай! Это – я. Не сказывай! Я тут».

Перевод В.Г.Бенедиктова. Goşgular